

Наталья Б. Корина*

Институт славистики Венского университета
Вена

Очередной выпуск Словаря народных стереотипов и символов

Рец.: **Słownik stereotypów i symboli ludowych**, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński, zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, t. 2: **Rośliny, cz. 7: Krzewy i krzewinki**. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. – 333 s.

Фундаментальный *Словарь народных стереотипов и символов* (SSSL), издаваемый в Люблине с 1996 года под руководством проф. Ежи Бартминьского и Станиславы Небжеговской-Бартминьской, благодаря своей новаторской концепции и последовательной методологии завоевал прочный авторитет в научных кругах. Его концепция основана на понимании языка как носителя и хранителя информации, связующего звена между всеми сферами жизнедеятельности говорящего на нем народа в синхронии и диахронии, которое дает этнолингвистике новое наполнение, делая ее комплексным диагностическим инструментом в исследованиях народной культуры.

Словарь состоит из 7 томов, каждый из которых включает несколько выпусков. Тематика и последовательность томов избраны очень символично: они соответствуют порядку библейского сотворения мира. Полностью издан

* Natalia Korina, prof., PhD., CSc., Department of Slavonic Studies, University of Vienna, Austria.

<https://orcid.org/0000-0002-2809-1480>.

e-mail: natalia.korina@univie.ac.at.

1-й том *Космос* (Kosmos), содержащий 4 выпуска, к завершению приближается издание 2-го тома *Растения* (Rośliny), в составе которого предполагались 7 выпусков. Их распределение и объем менялись в процессе составления словаря: том должна была завершить книга *Заросли, сорняки, грибы* (Skupiska roślin, chwasty, grzyby), однако изначально запланированный выпуск *Цветы и травы* был разделен на две книги (выпуски 3 и 4), а книга *Кустарники и ягоды* (Krzewy i krzewinki), которая является предметом настоящей рецензии, была передвинута в седьмой выпуск. Последняя книга тома станет уже восьмым выпуском, выход которого из печати, по информации ученого секретаря SSSL Катажины Пророк, ожидается в начале 2024 года. Таким образом, в настоящий момент второй том SSSL еще не завершен и состоит из семи книг: 1. *Злаки* (Zboża, 2017); 2. *Овощи, приправы, промышленные культуры* (Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe, 2018); 3. *Цветы* (Kwiaty, 2019); 4. *Травы* (Zioła, 2020); 5. *Плодовые и хвойные деревья* (Drzewa owocowe i iglaste, 2020); 6. *Лиственные деревья* (Drzewa liściaste, 2021); 7. *Кустарники и ягоды* (Krzewy i krzewinki, 2022). В перспективе остаются еще пять томов: 3. *Животные* (Zwierzęta), 4. *Человек* (Człowiek), 5. *Общество* (Społeczeństwo), 6. *Религия, демонология* (Religia, Demonologia) и 7. *Время, пространство, меры, цвета* (Czas, przestrzeń, miary, kolory).

Концепция словаря, представленная в его первом выпуске, исчерпывающе проанализирована в трудах С.М. Толстой, прежде всего в рецензиях, посвященных самой концепции (Tołstojowa 1998) и отдельным книгам словаря (Толстая 1997; 2000; 2014; 2020; 2021)¹, поэтому мы позволим себе лишь кратко еще раз изложить ее суть, чтобы создать цельное представление о словаре у тех, кто незнаком с упомянутыми работами или с предыдущими выпусками SSSL.

Описание народных стереотипов и символов производится по единому стандарту: каждая словарная статья начинается с введения – общей характеристики описываемого символа с языковой и энциклопедической точек зрения (в случае растений это их ботаническое описание); за ним следуют два раздела – *Экспликация*, в которой указываются все существенные признаки, свойства и взаимосвязи, создающие в совокупности образ предмета и определяющие его место в системе культурных стереотипов, и *Документация*, где те же данные иллюстрируются текстами разных жанров польского фольклора и народной поэзии – календарно-обрядовых и жанровых песен (в рецензируемом выпуске это в первую очередь свадебные и любовные песни, поскольку тема растений широко присутствует в символике любви и брака), заговоров, молитв, загадок, легенд и т.д. Экспликация разбита на рубрики

¹ Часть рецензий (Толстая 2018; 2020; 2021) публиковалась в журнале „Rocznik Slawistyczny”.

(категории), представляющие собой комплекс базовых характеристик описываемых растений-символов, прежде всего их основные свойства, диалектные наименования, культурные взаимосвязи, сферы применения и многие другие, что позволяет не только воссоздать культурно-языковые образы кустарников и ягод, но и сопоставить их между собой и с другими символами. Каждой рубрике присвоена пиктограмма по единой для всего словаря системе обозначений, благодаря чему облегчается систематизация сведений по каждому символу и ускоряется поиск соответствий. По этой системе в словарных статьях обозначены такие параметры, как использование описываемого растения в практических, магических и лечебных целях, его временные и пространственные характеристики, связанные с ним запреты и поверья, эмоциональный фон (*przeżycia, przyczyna przeżyć* etc.), символичность и многие другие. Данная методика преследует главную цель SSSL – «syntetyczne przedstawienie tradycyjnego obrazu świata utrwalonego w ludowym języku, w folklorze, wierzeniach i obrzędach» (SSSL 2017: 7). В заключении каждой статьи помещены библиография посвященных данной теме исследований и отсылки к статьям разных томов словаря, связанных с данной проблематикой.

Книга *Кустарники и ягоды* состоит из 20 основных статей, представляющих гипероним *куст* (*krzew*) и 19 растений данного типа, играющих символическую роль в польской народной культуре: *agrest, bez (lilak), cis, czarny bez, czeremcha, dzika róża, głóg, jagoda (borówka czarna), jałowiec, jaśmin, jeżyna, kalina, leszczyna, malina, mirt, porzeczka, poziomka, tarnina, żurawina*. Четыре статьи, представляющие наиболее значимые символы с более сложным комплексом культурных взаимосвязей, включают дополнительные подразделы: *cis* – *cisowe przedmioty, cisowy stół, cisowe wrota/drzwi*; *kalina* – *kalinowy lasek, kalinowy most*; *leszczyna* – *orzech laskowy*; *mirt* – *wianek/wieniec mirtowy*. Объем статей различается в зависимости от значимости каждого из символов, выраженной в активности и разнообразии его использования в различных обрядовых, магических и бытовых практиках. Об этом можно судить как по заполнению отдельных рубрик, так и по документирующим конкретные символы текстам, которые несмотря на выборочность и иллюстративный характер отражают общие тенденции: так, например, документация к статье *Калина* (не считая подразделов) содержит 156 текстов, *Лещина* (*Leszczyna*) – 109 текстов, а ее подраздел *Лесной орех* (*Orzech laskowy*) – еще 80 текстов, в то время как разделы *Земляника* (*Poziomka*), *Шиповник* (*Dzika róża*), *Смородина* (*Porzeczka*), *Крыжовник* (*Agrest*), *Бузина* (*Czarny bez*) насчитывают от 4 до 11 текстовых иллюстраций, а по разделу *Клюква* (*Żurawina*) документация отсутствует. Наиболее богатым иллюстративным материалом снабжены символы, частотные в обрядовом фольклоре – например, *боярышник* (*głóg*), в то время как мало используемые или не используемые в обрядах кустарники – такие, как *черемуха* (*czeremcha*) и *шиповник* (*dzika*

róža) – проиллюстрированы намного более скромно (к этой категории, например, относится и *бузина* (czarny bez), широко применяемая в гаданиях и любовной магии).

Словарные статьи размещены в алфавитном порядке. В приложении помещены цветные фотографии описываемых растений, которые дают максимально полное визуальное представление о них, сочетая общий вид кустарника с изображениями его цветов и плодов крупным планом.

В рецензируемой книге продолжают разрабатываться основные проблемы, связанные с изучением мира растений, которые были сформулированы в первом выпуске второго тома. Одна из них – условность как самого понятия ‘растение’, так и разграничения растений по типам. Вторая (и основная) – проблема лексикографической систематизации растений, представления о которых в народной культуре («наивные»²) зачастую значительно расходятся с их ботанической систематизацией (научными представлениями).

Различия в наивной и научной картинах мира представляют собой центральную проблему всего словаря. Как отмечает редактор SSSL Ежи Бартминьский в предисловии к первому выпуску тома *Растения* (SSSL 2017: 7), научная лексикография переносит энциклопедические ботанические классификации в лингвистические дефиниции, что не соответствует наивным (обыденным) представлениям о мире, лежащим в основе естественного языка. SSSL во многом отказался от традиционных лексикографических критериев, поскольку его словарные статьи преследуют совсем другую цель: на основании обыденных представлений сконструировать комплексный образ исследуемого предмета, который «dąży do wydobycia wszystkich pozytywnych, relevantnych kulturowo cech danego przedmiotu» (SSSL 2022: 7). По методике профилирования такого образа, разработанной в Люблине, описаны все поддерживаемые в SSSL символы.

Отдельно отметим, что несовпадение наивных представлений о мире с научными и различия в образах одних и тех же предметов, создаваемых разными культурами, проявились даже в переводе названия выпуска (*Krzewy i krzewinki*) при написании данной рецензии: в русском языке нет точного эквивалента польскому понятию *krzewinka*. Ботанические наименования *полукустарник* и *кустарничек*, перенесенные в словарную дефиницию *ягоды* (ТСРЯ 2007: 1133), ничего не говорят среднему носителю языка – на основании своего обыденного опыта он не может провести четкого различия между ними; понятие *ягода* означает в первую очередь тип плода, а не растение. Однако нам важно было сохранить не только заложенное в названии противопоставление по размеру, но и естественность наименования, поэтому мы отказались от варианта *Кустарники и кустарнички*, который выглядит

² В дальнейшем употребляется без кавычек как термин, находящийся в оппозиции к научному.

неестественно и даже в какой-то степени комично, и остановились на варианте *Кустарники и ягоды*, в котором вторая часть некорректна с научной точки зрения, зато вызывает у читателя ассоциации, соответствующие содержанию книги – напр., земляника, черника и клюква не соответствуют обыденному представлению о кустарнике, однако полностью укладываются в представления о ягодах, а такие растения, как малина и ежевика, находятся где-то посередине, причем ассоциируются скорее с ягодами, чем с кустарниками. Выбирая этот вариант перевода, мы стремились сохранить основную установку SSSL на наивные представления о мире и соответствие культурному контексту.

Представленные в седьмом выпуске описания кустарников и ягод призваны создать комплексный этнолингвистический портрет каждого из растений, который выходит за рамки как традиционных лексикографических канонов, так и отдельных гуманитарных дисциплин – лингвистики, фольклористики, этнографии и культурологии. Именно поэтому описываемые по данной методике символы сложно подвергнуть однозначной систематизации – как и другие методы научной обработки материала, она не всегда способна адекватно отразить амбивалентные образы народной культуры. Кроме того, несоответствие наивных и научных представлений о предмете усугубляется широким спектром применения кустарников, вследствие чего они пересекаются по разным параметрам с другими типами растений. Обобщающая классификация осложняется и тем, что общие понятия *krzew* и *krzewinka* редко встречаются в народном языке – чаще употребляются их синонимы *krzak* и *kierz*, а в народных песнях также четко не определенная *krzewina* (SSSL 2022: 7).

Как отмечается во вводной статье редактора, обычно к кустарникам относят кустовидные растения, ветвящиеся прямо от земли, и по этому принципу отобраны растения, составляющие данный выпуск (см. выше). Однако их обыденное восприятие не столь однозначно: например, *сирень*, *тис* и *земляника* не воспринимаются обыденным сознанием как представители одной категории растений. Понятно, что концепция словаря требует четких критериев, однако такая классификация – в противовес главной цели SSSL – в большей степени соответствует научным, нежели наивным представлениям о растениях: в народной культуре нет четкого разграничения деревьев и кустарников, и функции обоих этих типов растений в обрядовых, магических и лечебных практиках в большинстве своем тождественны, в чем можно убедиться, сравнив сведения о деревьях в выпусках 5 и 6 с материалами рецензируемого выпуска³. Эта проблема обозначена и в предисловии редак-

³ Отсутствие в обыденном сознании четкой границы между деревьями и кустарниками подтверждают, в частности, материалы энциклопедического словаря *Славянские древности*: в нем *тис* определяется как дерево (СД 2012: 269), *калина* названа деревом, хотя и не

тора к данному выпуску (SSSL 2022: 7), где указывается, что некоторые из рассматриваемых растений по высоте часто причисляют к деревьям (тис, бузина, черемуха, калина, лещина, терновник), а приписываемые им лечебные и магические свойства позволяют отнести их к категории лечебных растений (тис, бузина, боярышник). Некоторые из них красиво цветут, поэтому рассматриваются также в категории цветов (мирт, сирень). Коллектив авторов был поставлен перед архисложной задачей: с одной стороны, учесть все эти нюансы, а с другой стороны, однозначно разграничить растения, не допуская их дублирования в разных группах.

К сожалению, стремление не потерять ни одной существенной характеристики зачастую приводит к повторам одной и той же информации в разных частях словарной статьи. Это касается в первую очередь примеров применения растений, которые приводятся сначала во вводной части, а затем повторяются в рубриках, соответствующих типу использования. Вероятно, целесообразнее было бы оставить во введении общее описание основных характеристик, а по конкретным областям применения растений привести не сами примеры, а отсылки к соответствующим рубрикам, где эти примеры рассматриваются подробно: напр., вместо фрагментов, вводимых сокращением *нр.*, поместить соответствующую пиктограмму. Такая структура позволила бы более эффективно пользоваться разработанной в словаре системой пиктографических обозначений.

Как уже отмечалось, наиболее регулярные схождения по символике и функциям кустарники обнаруживают с деревьями, что закономерно следует из отсутствия четких границ между ними. Подобно деревьям, кустарники амбивалентны в своих свойствах: большинство рассмотренных растений могут функционировать и как «святые», и как «демонические» (бузина, калина, лещина, тис, можжевельник и др.). Этим они отличаются от трав, разделяемых на «хорошие» и «плохие» (SSSL 2020). Естественная для кустарников функция укрытия – так же, как и в случае деревьев – интерпретируется, с одной стороны, как защита от зла (под кустами прячутся от преследования те, кто нуждается в защите: девица – от молодца, Богородица с Младенцем – от преследований Ирода и т. д.), а с другой – как потайное место обитания злых сил. В рецензируемом выпуске SSSL эти параллели проводятся регулярно: в частности, указывается, что в народных легендах Богородица с Младенцем находит укрытие как под кустами (лещины, можжевельника, бузины), так и под деревьями (березой, вербой, ольхой, кленом), а Иуда мог повеситься на кустарнике (бузине, калине, крушине) либо на дереве (рябине, осине, ольхе, грабе, дубе и т. д.).

в основной, а в дополнительной части определения (СД 1999: 446), а *бузина* вообще не определена по типу и указывается просто как растение (СД 1995: 267), хотя в дальнейшем описании говорится, что ее считают «проклятым деревом» (там же: 268).

Аналогичны деревьям и многие другие функции кустарников. Практически все колючие кустарники (боярышник, терновник, крыжовник, ежевика и т. д.), подобно хвойным деревьям, являются апотропеями и используются в защитных обрядах. Большинство плодовых кустарников, как и плодовые деревья, связаны с символикой любви и брака: сами растения, их цветы и плоды символизируют девичество – красоту, чистоту и невинность, а также женственность и плодородие; срывание плодов (ягод, орехов) и ломание веток символизирует утрату невинности и переход девушки в статус женщины.

Кустарники, как и деревья, в традиционных верованиях изоморфны человеку и «взаимозаменяемы» с ним: они могут персонифицироваться, а человек может превратиться в одно из этих растений. Например, калина (как и рябина) может превратиться в девицу, и наоборот – девица (невеста, невестка), испытавшая много страданий, покидает мир людей, превратившись в калину (рябину); особенностью польского фольклора является поверье о том, что дух-хранитель Тухольских боров на севере Польши, называемый *borowa ciotka*, превращает в кусты можжевельника людей, наносящих лесу вред (SSSL 2022: 120). Древовидные кустарники (бузина, тис, калина, лещина), как и деревья, могут ассоциироваться с «мировой осью» и часто наделяются функцией медиатора. Связь между миром мертвых и миром живых проявляется в традиции высаживать такие кустарники на могилах.

Материалы выпуска показывают, что «выбор» народной культурой медиаторов специфичен не только этнически, но и географически: в Польше эту функцию наряду с другими деревьями выполняет тис, который не растет на территориях восточных славян (кроме Карпатской Украины)⁴ и не является для них значимым, а у части южных славян, наоборот, имеет еще более яркое символическое значение, выступая в качестве мировой оси – *axis mundi* (СД 2012: 269). Особое значение имеют в польском фольклоре и сделанные из тиса предметы (тисовые столы, тисовые врата/двери), которые являются важными символами свадебной обрядности и смены социального статуса. Географически специфично также использование мирта, который у восточных славян (кроме Украины) не встречается, а в русском языке даже не имеет стабильного языкового оформления: параллельно существуют форма мужского рода *мирт* и женского *мирта* (ТСРЯ 2007: 450).

Еще один символ связи между «этим» и «тем», потусторонним, миром – *калиновый мост* – являясь общеславянским (и шире – европейским), имеет свою специфику в разных славянских культурах, по-разному интерпретирующих его функцию межи, границы, стыка двух миров. Пожалуй, наибо-

⁴ У восточных славян тис встречается лишь в виде отдельных экземпляров и группировок в Беловежской пуше на территории Белоруссии (на границе с Польшей) и в Карпатах (*Растительные ресурсы* 1996: 38–40).

лее разнообразное применение он находит в восточнославянском фольклоре, где он представлен в очень широком спектре жанров – легендах, былинах, заговорах, календарно-обрядовых и жанровых песнях (особенно в белорусском фольклоре): на калиновом мосту богатыри бьются с колдунами и змеями, по нему приходят в дома черти, пожирающие детей, и т.п. (SSSL 2022: 182–183; СД 1999: 448). В польской народной культуре *калиновый мост* также является значимым символом (в выпуске ему посвящен отдельный подраздел), но он локализован в сфере брачной символики и воплощает собой переход от одного этапа жизни и социального статуса к другому – от холостой жизни к семейной: напр., в свадебных песнях сваты, наломав калины, мостят из нее мост, по которому гости поедут на свадьбу (SSSL 2022: 183; СД 1999: 446). Калина как растение, являясь общеславянским символом, также имеет в разных славянских культурах свою специфику – как мы узнаём из рецензируемого выпуска, в польском фольклоре *калиновая роца* символизирует пространство любви и место любовных свиданий (SSSL 2022: 182).

Особенности польской народной символики отражает и сам набор представленных кустарников: при сопоставлении с энциклопедическим словарем *Славянские древности* (СД), целью которого является охват всей Славии, обнаруживается, что в СД описаны лишь 8 из 20 содержащихся в рецензируемом выпуске основных символов⁵; аналогично в (Агапкина 2019), ср. также (МБ 2011). Культурно-маркированными для польского народа оказываются плодовые и декоративные кустарники, которые у многих славян широко используются в утилитарных целях, но как символы имеют маргинальное значение – крыжовник, смородина, терновник, сирень, жасмин и др., причем у них проявляются как типовые, так и индивидуальные свойства: крыжовнику и терновнику присущи общие апотропеические свойства колючих растений, смородине и крыжовнику – общая любовная символика плодовых деревьев и кустарников. Однако польскую народную традицию маркируют прежде всего их индивидуальные свойства. Например, из крыжовника делали обрядовую розгу, называемую *dyngówka*⁶, которой хлестали девушек в Пасхальный понедельник⁷; на Люблинщине считалось, что незрелые ягоды крыжовника вытравливают бычьего цепня, а в народном соннике крыжовник означал слезы. Впервые даны и этнолингвистические портреты лесных ягод – земляники, черники и клюквы. Эти сведения являются ценным

⁵ По количеству словарных статей, не считая подразделов.

⁶ От названия Пасхального понедельника *śmigus-dyngus*, объединившего в себе две обрядовых традиции, распространенные в разных регионах, – поливания девушек водой и хлестания их розгами.

⁷ В некоторых регионах розги из крыжовника наряду с розгами из других колючих кустарников (можжевельника, терновника) применялись и в Страстную Пятницу в память о бичевании Христа, однако данная функция для крыжовника не уникальна.

дополнением к существующим научным описаниям культурно значимой славянской флоры.

Особенно ценен *Словарь народных стереотипов и символов* своим широким сопоставительным фоном – не только славянским, но и европейским, что позволяет проследить многие общие тенденции и закономерности развития славянской народной символики. В частности, как можно заметить и в вышеприведенных примерах, украинские символы регулярно «выбиваются» из восточнославянского ареала: практически при всех кустарниках украинский материал (в основном из западных регионов) демонстрирует стабильные схождения со словацким либо польским (иногда общезападнославянским) при отсутствии аналогичных стереотипов у белорусов и русских. Это типично для распределения славян по культурным ареалам, которые не совпадают с ареалами языковыми и этническими. Один из ярких примеров – этнолингвистический портрет *бузины* (*czarny bez*), которая в белорусском и русском фольклоре выступает маргинально, а в украинском достаточно широко и обнаруживает регулярные схождения с верованиями и символикой западных славян, что подтверждается материалами СД (СД 1995: 267–270): в частности, повсеместно у западных славян и на Украине бузина считалась демоническим локусом, но в то же время и местом обитания домашних духов – опекунов хозяйства; она могла притягивать болезни (с этим были связаны, с одной стороны, запрет ее выкорчевывать, чтобы не перевести на себя все собранные ею болезни, а с другой стороны, ее использование в лечебной магии как место «сброса» болезней с человека); на Украине и в Польше бузину считали проклятым деревом, на котором, по легенде, повесился Иуда – польская народная традиция именно этим объясняет резкий, почти трупный запах цветов бузины; аналогичная интерпретация у германских народов (SSSL 2022: 56–69; ср. Агапкина 2019). Материал SSSL подтверждает результаты исследований Т.А. Агапкиной, установившей, что

...в рамках Славии мифология бузины более всего развита у западных славян и украинцев (преимущественно на Карпатах), практически не выражена в Белоруссии и России, а у южных славян связанные с бузиной мифологические верования и ритуально-магические практики немногочисленны и имеют свою специфику (Агапкина 2019: 208).

Широкий сопоставительный фон дает читателю выпуска возможность установить, что мифология бузины выходит далеко за рамки Славии: ее этнолингвистический портрет в польской народной культуре (как и у остальных западных славян) во многом близок к верованиям германских народов и имеет параллели у скандинавов и балтов. По меткому выражению Т.А. Агапкиной, «в Западной Славии бузина как бы продолжает немецкие

традиции» (Агапкина 2019: 210). В польской традиции присутствуют практически все «германские» свойства бузины, включая позднейшие христианские вкрапления, за исключением связи с древнегерманским пантеоном, след от которого остался в немецком фитониме этого растения *Holunder* (бузина считалась святым деревом, посвященным богине смерти Хольде). В польской народной культуре бузина особенно широко используется в лечебной магии и народной медицине, с чем связаны фитонимы *bez podlewany* (под бузину выливали воду, в которой купали больного, чтобы «слить» его болезнь), *gościec* (под бузину закапывали колтун), *bez lekarski*, *bez apteczny*. В народной медицине бузина (особенно ее цветы и кора) является универсальным средством от целого ряда болезней, прежде всего болей и воспалительных заболеваний разного характера, горячки, гипертонии и кожных болезней.

Говоря о бузине, следует указать на небольшую неточность в рецензируемом выпуске SSSL: здесь со ссылкой на (СД 1995: 269) указывается, что в Чехии, Словакии и на Украине бузина использовалась в девичьих гаданиях о замужестве – чаще в Сочельник, реже на Ивана Купалу (SSSL 2022: 59), однако в СД в этой связи упоминаются не словаки, а словенцы, а о словаках говорится в отношении любовной магии, для которой использовался огонь из семи щепок бузины (СД 1995: 269).

Большинство описываемых в книге кустарников объединяет в себе разные в культурном отношении области применения: растения лечебного и магического назначения (*ziola*) и зеленую растительность вообще (*ziele*), используемую в качестве украшения и реквизита во многих календарных и семейных обрядах (ветки, цветы, листья). Таким образом, присутствующее в предыдущих выпусках второго тома разделение растений на *ziola* и *ziele* в случае кустарников стирается – так же, как и у деревьев.

Размытость представления о кустарниках усиливается расхождением литературного гиперонима *krzew* (куст) с его эквивалентами в народном языке, что наблюдается и в других славянских языках. Традиционные наименования могут не только отличаться от литературных, но и вступать с ними в отношения омонимии. Так, если в польской народной культуре лексема *krzew* практически не используется (SSSL 2022: 7, 11), то у восточных славян аналогичная ей лексема *куст* используется в народной культуре, но в другом значении. В частности, в бытующем на Западном Полесье (белорусском и украинском) трóичном обряде «вождения Куста»⁸ – убранный с головы

⁸ Данный обряд чаще всего приурочен к Троице, однако может быть связан также с днем Ивана Купалы, Юрием весенним (см. хорватскую и словенскую традиции ниже) и единично с другими календарными праздниками. Основной ареал его распространения расположен компактно в Западном Полесье, однако имеются дисперсные островные ареалы, в основном на территории Белоруссии (Антропов 2013).

до пят зелеными ветками девушки, которую обрядовая группа («девичье войско») с песнями водит по дворам, прося хозяев одарить куст подарками, – куст как главный персонаж является не растением, а символом рода, и «кустовые» обряды призваны соединить две части рода – ныне живущих и их умерших предков (МБ 2011: 265–267; СД 2004: 69). Здесь лексема *куст* выступает как обозначение групповых социальных связей – рода, семьи и т. п., а для наименования куста как типа растения в этом регионе служит лексема *корч* (МБ 2011: 266). Для сравнения: у хорватов и словенцев схожий обряд приурочен ко дню св. Юрия (География) 23.04./6.05., и в нем выступает другой персонаж – Зеленый Юрий, чье убранство из веток символизирует приписываемую зелени магическую силу; этот обряд имеет продуцирующий и охранительный характер (СД 1999: 306–308).

Приведенные замечания – лучшее доказательство того, что *Словарь народных символов и стереотипов* благодаря своей установке на сопоставление постоянно стимулирует к проведению широких межславянских параллелей, что в итоге ведет к более глубокому пониманию роли народной культуры (не только польской) в жизни общества и ее места среди других культур. Поскольку формат рецензии не позволяет передать многочисленные рефлексии, вызываемые материалами SSSL, ограничимся этими замечаниями и еще раз подчеркнем, что читатель словаря почерпнет из него не только ценную информацию, но и мотивацию к изучению народной культуры.

Развиваясь в полном соответствии с люблинской этнолингвистической концепцией, SSSL в целом и его новейший выпуск в частности демонстрируют, насколько качественно и количественно продвинулись в последнее время этнолингвистические исследования. Как отмечает С.М. Толстая,

[...] за прошедшие годы создана не только эмпирическая база словаря, учитывающая богатейшие опубликованные источники общего и частного характера, как лингвистические, так и этнографические и фольклорные, но и подготовлен коллектив исследователей с совершенно новой научной оптикой, владеющих этнолингвистическим «мировоззрением» и методикой этнолингвистической интерпретации материала (Толстая 2021: 242).

Последнее особенно важно: люблинская научная школа, названная Ежи Бартминьским «когнитивной этнолингвистикой», уже воспитала несколько поколений ученых. Лучшее тому подтверждение – рецензируемый выпуск SSSL, где 16 из 20 (!) основных словарных статей (из них 15 лично и одну в соавторстве со Станиславой Небжеговской-Бартминьской) написала Ольга Келяк, которую можно с полным правом назвать воспитанницей этой школы: ее дипломные работы и в бакалавриате, и в магистратуре были посвящены символике кустарников в польской народной культуре (Kielak 2011, 2013). При составлении словаря наряду с обширной литературой по этноботанике

использованы обе эти работы, а также материалы магистерской диссертации Катажины Смык (Smyk 1995) и статьи авторов словаря, суммирующие данные полевых исследований.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что седьмая книга тома *Растения* дает новый материал по польской народной ботанике, скрупулезно собранный и обработанный по «авторской» методике люблинской этнолингвистики. Как и все предыдущие (и, несомненно, последующие) выпуски словаря, она репрезентирует польские этнические традиции на широком славянском и европейском фоне и продолжает обогащать фонд сведений по славянской традиционной народной культуре. Подобно предыдущим выпускам тома *Растения*, данная книга является ценным вкладом в развитие этноботаники как комплексной научной дисциплины, на что неоднократно обращала внимание С.М. Толстая (Толстая 2020: 242; Толстая 2021: 248). Методология SSSL находится в русле современных научных трендов изучения мира не через теоретическую абстракцию, а сквозь призму народной культуры, которым обязана своим развитием и сама этнолингвистика, и многие аналогичные комплексные направления, такие, как этногеография, этнобиология (с профилированием этноботаники и этнозоологии в отдельные субдисциплины), этноастрономия и др., находящие все более широкий отклик в рядах ученых (Авілін 2015; Alves, Albuquerque 2018; Acta Linguistica 2010 и 2017 и многие другие). Кроме того, содержащийся в SSSL обширный корпус диалектных наименований растений и связанных с ними фольклорных и этнографических контекстов, в том числе народной этимологии, представляет собой богатый материал для исследований польской и славянской фитонимии.

Таким образом, очередной выпуск *Словаря народных стереотипов и символов* подтверждает, что разработанная люблинской школой методика этнолингвистической лексикографии может быть с успехом применена для изучения самых разнообразных этнических традиций, а сам словарь может по праву называться энциклопедией польской народной культуры.

Литература

- Авілін Ц., 2015, *Паміж небам і зямлёй: Этнаастрономія*, Мінск: Тэхналогія.
 Агапкина Т.А., 2019, *Деревья в славянской народной традиции. Очерки*, Москва: Индрик.
 Антропов Н.П., 2013, *Белорусские этнолингвистические этюды*, 3: *Куст* (часть первая), [в:] *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого*, Москва: Индрик, с. 162–179.
 МБ 2011 = *Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік*, склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка, Мінск: Беларусь.

- Растительные ресурсы* 1996 = *Растительные ресурсы России и сопредельных государств*, отв. ред. А.Л. Буданцев, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург: Мир и семья.
- СД = *Славянские древности, Этнолингвистический словарь* под общей редакцией Н.И. Толстого, т. 1: А–Г, 1995; т. 2: Д–К (*Крошки*), 1999; т. 3: К (*Круг*) – П (*Перепелка*), 2004; т. 4: П (*Переправа через воду*) – С (*Сито*), 2009; т. 5: С (*Сказка*) – Я (*Ящерица*), 2012, Москва.
- Толстая С.М., (рец.), 1997, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 1, „Живая старина”, № 4, с. 52–53.
- Толстая С.М., (рец.), 2000, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 2, „Живая старина”, № 2, с. 58–59.
- Толстая С.М., (рец.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, т. 1: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, „Славяноведение”, № 6, с. 104–109.
- Толстая С.М., (рец.), 2018, *Символика растений в польской народной традиции. Злаки*, „Rocznik Slawistyczny”, т. 67, с. 189–195.
- Толстая С.М., (рец.), 2020, *Новый выпуск «Словаря народных стереотипов и символов»* [рец. на: *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, т. 2: *Rośliny*; cz. 3: *Kwiaty*. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019. – 295 s.], „Rocznik Slawistyczny”, т. 69, с. 237–250.
- Толстая С.М., (рец.), 2021, *Очередные выпуски «Словаря народных стереотипов и символов»* [рец. на: *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, т. 2: *Rośliny*, cz. 4: *Zioła*, Lublin 2019; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, Lublin 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, Lublin 2021. – Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej], „Rocznik Slawistyczny”, т. 70, с. 241–244.
- ТСРЯ 2007 = *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, отв. ред. Н.Ю. Шведова, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва: Азбуковник.
- Acta Linguistica 2010 = „Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН”, т. 6, ч. 1: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова.
- Acta Linguistica 2017 = „Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН”, т. 13, ч. 2: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, отв. ред. Н.Н. Казанский, сост. В.Б. Колосова.
- Alves R., Albuquerque U., (eds.), 2018, *Ethnozoology: Animals in Our Lives*, Academic Press.
- Kielak O., 2011, *Święty i przeklęty, Językowy obraz czarnego bzu w polskiej kulturze ludowej*, Praca licencjacka, Lublin: UMCS.
- Kielak O., 2013, *Językowo-kulturowy obraz krzewów w polszczyźnie potocznej i ludowej*, Praca magisterska, Lublin: UMCS.
- Smyk K., 1995, *Drzewa i krzewy iglaste w polszczyźnie ludowej – analiza leksykalno-semantyczna*, Praca magisterska, Lublin: UMCS.

SSSL = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński, t. 1: *Kosmos*, cz. 1: *Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie*, 1996; cz. 2: *Ziemia. Woda. Podziemie*, 1999; cz. 3: *Meteorologia*, 2012; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, 2012; t. 2: *Rośliny*, cz. 1: *Zboża*, 2017; cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, 2018; cz. 3: *Kwiaty*, 2019; cz. 4: *Zioła*, 2020; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, 2021; cz. 7: *Krzewy i krzewinki*, 2022, Lublin.

Tołstojowa S., 1998, *Słownik stereotypów i symboli ludowych – pomysł i jego realizacja*, „Literatura ludowa”, rocz. 42, nr 6 (listopad – grudzień), s. 55–59.

References

Acta Linguistica 2010 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheckikh issledovaniy RAN”, Vol. 6, part 1: *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, eds. V.B. Kolosova, A.B. Ippolitova.

Acta Linguistica 2017 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheckikh issledovaniy RAN”, Vol. 13, part 2: *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, eds. N.N. Kazanskiy, V.B. Kolosova.

Agapkina T.A., 2019, *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii. Oчерki*, Moskva: Indrik.

Alves R., Albuquerque U. (eds.), 2018, *Ethnozoology: Animals in Our Lives*, Academic Press.

Antropov N.P., 2013, *Belorusskiye etnolingvisticheckiye etyudy*, 3: *Kust* (Vol. 1), [In:] *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akad. Nikity Il'yicha Tolstogo*, Moskva: Indrik, pp. 162–179.

Avilin Ts., 2015, *Pamizh nyebam i zyamlyoy: Etnaastronomiya*, Minsk: Tekhnalohiya.

Kielak O., 2011, *Święty i przeklęty, Językowy obraz czarnego bzu w polskiej kulturze ludowej*, Bachelor thesis, Lublin: UMCS.

Kielak O., 2013, *Językowo-kulturowy obraz krzewów w polszczyźnie potocznej i ludowej*, Master thesis, Lublin: UMCS.

MB 2011 = *Mifalohiya byelarusaw. Entsylapiedychny słownik*, eds. I. Klimkovich, V. Awtushka, Minsk: Belarus.

Rastitel'nye resursy 1996 = *Rastitel'nye resursy Rossii i sopredel'nykh gosudarstv*, ed. A.L. Budantsev, Sankt-Peterburg: Mir i sem'ya.

SD = *Slavyanskiye drevnosti, Etnolingvisticheckiy slovar'*, ed. N.I. Tolstoy, Vol. 1: *A–G*, 1995; Vol. 2: *D–K (Kroshki)*, 1999; Vol. 3: *K (Krug) – P (Perepyolka)*, 2004; Vol. 4: *P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito)*, 2009; Vol. 5: *S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)*, 2012, Moskva.

Smyk K., 1995, *Drzewa i krzewy iglaste*. Master thesis, Lublin: UMCS.

SSSL = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński, t. 1: *Kosmos*, cz. 1: *Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie*, 1996; cz. 2: *Ziemia. Woda. Podziemie*, 1999; cz. 3: *Meteorologia*, 2012; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, 2012; t. 2: *Rośliny*, cz. 1: *Zboża*, 2017; cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, 2018; cz. 3: *Kwiaty*, 2019; cz. 4: *Zioła*, 2020; cz. 5: *Drzewa*

- owocowe i iglaste*, 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, 2021; cz.7: *Krzewy i krzewinki*, 2022, Lublin.
- Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov*, 2007, ed. N.Yu. Shvedova, Moskva: Azbukovnik.
- Tolstaya S.M., (rev.), 1997, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, Vol. 1: *Kosmos*, no. 1, „Zhivaya starina”, no. 4, pp. 52–53.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2000, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, Vol. 1: *Kosmos*, no. 2, „Zhivaya starina”, no. 2, pp. 58–59.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, Vol. 1: *Kosmos*, part 3: *Meteorologia*, 521 s.; part 4: *Świat. Światło. Metale*, „Slavyanovedeniye”, no. 6, pp. 104–109.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2018, *Simvolika rasteniy v pol'skoy narodnoy traditsii. Zlaki*, „Rocznik Slawistyczny”, Vol. 67, pp. 189–195.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2020, *Novyy vypusk «Slovary narodnykh stereotipov i simvolov»* [rev.: *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, Vol. 2: *Rośliny*, part 3: *Kwiaty*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019, 295 p.], „Rocznik Slawistyczny”, Vol. 69, pp. 237–244.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2021, *Ocherednye vypuski «Slovary narodnykh stereotipov i simvolov»* [rev.: *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, Vol. 2: *Rośliny*, part 4: *Zioła*, Lublin 2019; part 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, Lublin 2020; part 6: *Drzewa liściaste*, Lublin 2021. – Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej], „Rocznik Slawistyczny”, Vol. 70, p. 241–244.
- Tołstojowa S., 1998, *Słownik stereotypów i symboli ludowych – pomysł i jego realizacja*, „Literatura ludowa”, Vol. 42, no. 6 (november – december), pp. 55–59.

Summary

The next issue of the Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols

The next (and not yet the last) issue of the second volume *Plants* of the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols*, published in Lublin under the editorship of prof. E. Bartminsky and S. Niebrzegowska-Bartminska, contains the topics *Shrubs* and *Little bushes*. The ethnolinguistic “portraits” of the plants are given at the broad Slavic and European background. Like the previous issues, it is a significant contribution to the study of Polish and Slavic folk culture. It also provides various material for linguistic studies of Polish and Slavic phytonymy thanks to a rich dialect corpus of plant names and related folklore and ethnographic contexts. Moreover, the *Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols* provides a new method of ethnolinguistic lexicography, which can be successfully applied to the study of other Slavic and non-Slavic languages and cultural traditions.

Keywords: ethnolinguistics, Polish folk culture, cultural stereotypes, lexicography, symbolism, shrubs, berries.